

КАПСАЛЬСКИЕ «ГОРОДИЩА»

Введение

К настоящему времени в Предбайкалье известно 87 археологических объектов, по отношению к которым используется термин «городище». В их число входят памятники, расположенные на возвышенных участках местности (горы, мысовидные площадки, мысы) и огороженные с наиболее доступных направлений фортификационными сооружениями, часто не обладавшими оборонительными функциями (валы, рвы, стены, гряды). В это число не включены те объекты, которые не имеют точной географической привязки и могут быть известны под разными именами, а также те, которые по своим характеристикам не соответствуют предложенному определению «городище». Большинство «городищ» находится в долине реки Ангары и по берегам ее притоков - Белой, Иды, Осы и Унги. Всего здесь насчитывается 38 подобных археологических объектов (рис. 1). На Верхней Лене известно 4 «городища», в Приольхонье - 19 и на северном побережье Байкала - 6.

Значительная часть «городищ» располагается в долине реки Куды - правом притоке Ангары. Всего в Кудинской долине выявлено 20 «городищ». Их можно разделить на три группы. Верхнекудинские «городища», занимающие северную часть долины реки от ее истоков до впадения в нее реки Дундайка, среднекудинские, расположенные между реками Дундайка и Мурын, и нижнекудинские - лежащие ниже устья реки Мурын. Первая группа включает «городища» Турысэ-Ундэр, Шаршибутэ, Яняшен и Дарбай. Во вторую группу входят «городища» Мантахай I, Мантахай II, Кукунут, Хандагай, Манхай, Далахан, Уха-Хушун, Даха-Елга, Улан-Зола-Тологой, Шарса, Харлык и Хархар-Жалга. В число нижнекудинских входят четыре городища - Капсал I-IV.

Планировка и размеры кудинских «городищ» достаточно разнообразны. Большинство из них обладают одной линией оградительных сооружений, но имеются городища, у которых фиксируются две оградительные линии. Определение искусственных конструкций, отделяющих территорию «городища» от прилегающей местности, как оградительных сооружений связано с разнообразной

функциональной нагрузкой, выполняемой ими. Они могли служить как оборонительным, так и маркирующим целям, ограждая «городище» от реальных и мифических врагов. Несоответствие термина «городище» функциональному назначению целого ряда археологических объектов, имеющих оградительные сооружения, предполагает его использование лишь как утвердившегося среди археологов понятия. Поэтому более корректным будет написание его в кавычках.

Оградительные сооружения «городищ» подразделяются на углубления в земле и возвышения на поверхности земли или наземные оградительные сооружения. Первые из них представлены рвами, вторые включают валы, гряды и стены. Оградительные сооружения кудинских «городищ» состоят только из валов и рвов. Возможно, такое однообразие предопределено дефицитом камня в долине реки Куды. Такая же особенность наблюдается и у ангарских «городищ», что отличает их от «городищ» побережья озера Байкал. Наибольшим конструктивным разнообразием характеризуются «городища», находящиеся в Приольхонье. У них зафиксировано 6 типов наземных оградительных сооружений, которые включают как конструкции из камня, так и земляные валы, перед которыми располагались рвы (Харинский, 2002).

На большинстве из кудинских «городищ» не проводились раскопочные работы. Исключение составляют 4 «городища». На Капсале I, Капсале II и Дарбае через валы и рвы были проложены траншеи, позволившие судить о конструктивных особенностях этих памятников. На Манхайском городище велись раскопки широкими площадями, материалы которых опубликованы лишь частично (Асеев, 1980). Отсутствие четких представлений о хронологии и культурной принадлежности манхайских находок, а также дефицит какой-либо информации об особенностях их залегания не позволяет делать аргументированные выводы о времени сооружения «городища», длительности его существования и особенностях функционального использования. К настоящему времени можно лишь судить о геоморфологии,

планиграфии и в некоторых случаях о конструктивных особенностях кудинских «городищ», что характерно для начальных этапов исследования археологических объектов. Именно этим аспектам и будет уделено основное внимание при характеристике южной группы кудинских «городищ», представленных в этой статье.

История исследования кудинских «городищ»

История изучения кудинских «городищ» ведет отсчет с 1881 г. В этом году Н.Н.Агапитовым и М.Н.Хангаловым целенаправленно исследовано 9 «китайских дворов», расположенных в Кудинской долине - Хандагай, Шарса, Хархар-Жалга, Харлык, Капсал I-IV. Название девятого «городища» Н.Н.Агапитов не указывает, приводит лишь описание. Оно «имеет 4-х угольную форму при длине окружности рва в 172 сажени; ров также идет кругом, представляя на 2-х сторонах по два прохода и на одной один проход. С этой же стороны расположен еще один ров» (Агапитов, 1882: 11). Кроме 9 обследованных «городищ», Н.Н.Агапитов получил сведения еще и о «городище» на горе Идыгэ, в средней части Кудинской долины.

По мнению бурят, эти сооружения служили загонами для скота у китайцев, обитавших ранее в Предбайкалье. Конструкции, близкие кудинским по топографическим и морфологическим показателям, Н.Н.Агапитов отметил в Ангарской долине. Обе группы памятников исследователь отождествляет с городищами. Он указывает на то, что они «обыкновенно располагаются на горах, отдельно стоящих или составляющих одно из звеньев горной гряды. Городища представляют вершину возвышенной, господствующей над окрестностью горы, причем вершина ограничивается валами и рвами (перед каждым валом); валов, концентрически расположенных, всегда несколько, не менее трех; при этом, если гора имеет крутое падение к реке, то со стороны, обращенной к реке, - ни валов, ни рвов не встречается; в том же случае, когда не представляется такой естественной защиты, то пространство замыкается валами и рвами со всех четырех сторон» (Агапитов, 1882; 1887).

Различия между кудинскими и ангарскими «городищами», по мнению автора, заключаются в «нахождении на последних ям, выложенных кам-

нем, и остатками жилья (как, например, у деревни Усть-Тальцинской)» (Агапитов, 1882: 12).

Кроме 10 «городищ», которые Н.Н.Агапитов обследовал лично (одно в Ангарской долине и девять в Кудинской), он получил от М.Н.Хангалова чертежи 5 унгинских «городищ» (приток р.Ангара) (Агапитов, 1882: 9). Позже ими было осмотрено еще 2 «городища» на р.Белой (Агапитов, Хангалов, 1883: 31).

По мнению Н.Н.Агапитова, форма «городищ» определялась площадью и очертаниями вершины горы, где оно располагалось. Валы, окаймляющие ее, были сложены из щебня и гальки, которые брались «тут же на месте из рва или со склона горы» (Агапитов, 1887: 82).

Подчеркивая уникальность предбайкальских «городищ», Н.Н.Агапитов писал, что вероятнее всего, по аналогии с «городищами», находящимися в Минусинском округе, в России, в Германии и Северной Америке, они были древними укреплениями (Агапитов, 1887: 82).

На о.Ольхон Н.Н.Агапитовым осмотрены 2 «каменные стены», открытые И. Д.Черским - на Харгойском и Шибэтском мысах. Он более подробно, чем предшественник, описывает конструкцию и планиграфию стен, отмечает четырехугольные и полукруглые конструкции диаметром 2-3 сажени, примыкающие с внешней и внутренней сторон к стене, которые отождествляет с остатками передовых укреплений и бастионов (Агапитов, 1882; 1887). находка на Харгойском мысу «китайских ступок» - камней с выдолбленными в них округлыми углублениями, подобных тем, что отмечались на «городищах» Кудинской долины, приводит Н.Н.Агапитова к мысли, что «строение валов и стен было дело одного племени: выбор характера для предполагаемого городища или укрепленного стана зависел, при этом, от конфигурации стены, и геологического строения коренных подпочвенных пород» (Агапитов, 1887: 84).

Мысли, высказанные Н.Н.Агапитовым в двух его статьях, посвященных предбайкальским «городищам», сводились к следующему.

1. В Предбайкалье выделяется три района концентрации «городищ»: Ангарская долина, Кудинская долина и Приольхонье.

2. Для строительства фортификационных сооружений ангарских и кудинских «городищ»

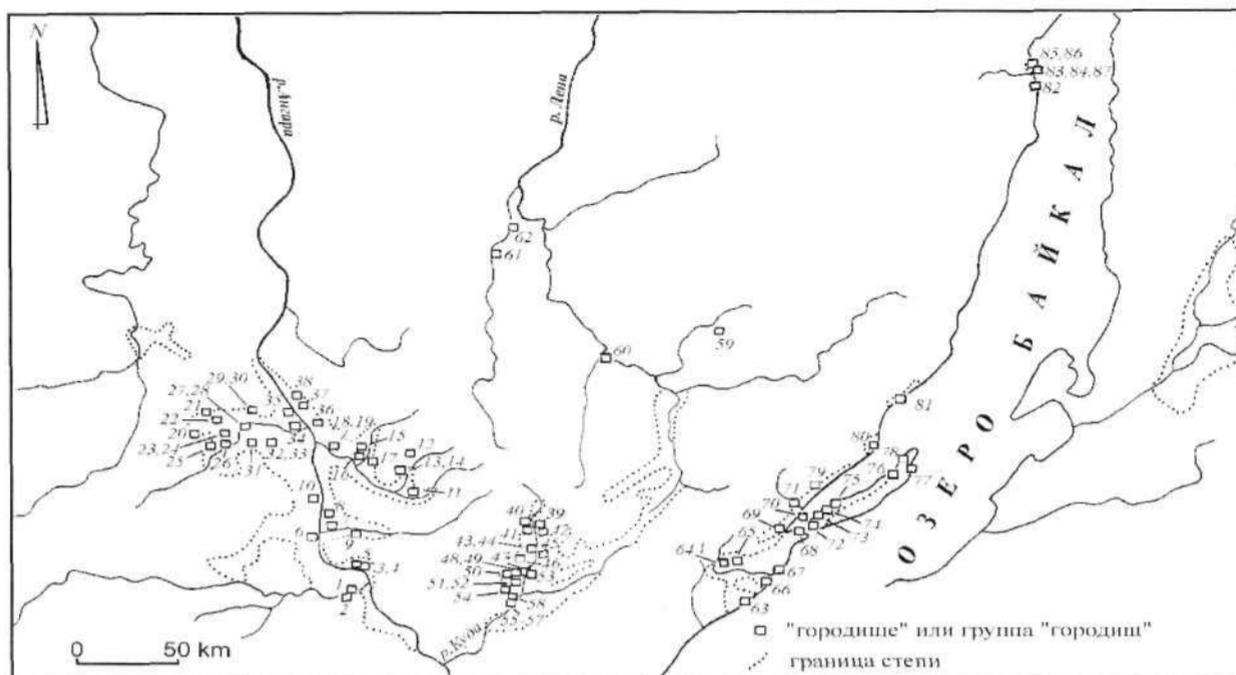

Рис. 1. Карта расположения предбайкальских «городищ»:

1- Мальта I, 2- Мальта II (Камень), 3- Кулакове I, 4- Кулаково II, 5 - Буреть, 6- Бейтоново, 7- Усть-Уда I (Подострожная), 8- Усть-Ида II, 9- Заглик, 10- Федяево, 11- Янгуты, 12- Айха, 13- Хайги-Хошун, 14- Мэндэ, 15- Хайга, 16- Удантай, 17- Улан, 18- Бурун-Зурхен I, 19- Бурун-Зурхен II, 20- Хурсангай, 21 - Ей, 22- Хориоты, 23- Хаишхай I, 24- Хаишхай II, 25- Зун-Турен, 26- Барун-Турен (Турон), 27- Буткей, 28- Ута-Хошун, 29- Тенгитэ, 30- Хутули Зунхажу (Бортим), 31- Хурай, 32- Эстинхэнь-Хошун, 33- Хашилик, 34- Улан-Бор, 35- Усть-Талькин (Талькинэ-Улан, Томор), 36- Холютай, 37- Атушевское, 38- Унетское, 39- Турысэ-Ундэр, 40- Шаршибутэ (Шара-Шубун), 41- Яняшен, 42- Дарбай, 43- Мантахай I, 44- Мантахай II, 45- Харлык, 46- Кукунут, 47- Далахан, 48- Даха-Елга, 49- Улан-Зола-Тологой (Дэйда-Барса, Шатерлаган), 50- Уха-Хушун (Даргатай), 51- Хандагай, 52- Шарса, 53- Манхай, 54- Хархар-Жалга (Ункыр), 55- Капсал I, 56- Капсал II, 57- Капсал III, 58- Капсал IV (Хэбэрэ), 59- Очуул, 60- Усть-Тальма, 61- Камень, 62- Новая Слобода, 63- Доин-Хошун, 64- Еланцинская стена (Шибэтэ), 65- Сахюртэ III, 66- Усть-Анга I, 67- Ая VI, 68- Шибэтэ I, 69- Харгой I, 70- Большой Тайнак, 71- Сарминское ущелье II, 72- Мухортэ II, 73- Харгой II, 74- Семисосенная I, 75- Шибэтэ IV, 76- Нюргон IV, 77- Узур III, 78- Саган-Хушун I, 79- Курминское ущелье I, 80- Арул II, 81- Ядор, 82- Берла I, 83- Байкальское I, 84- Байкальское II, 85- Байкальское III, 86- Байкальское IV, 87- Байкальское V

использовалась земля со щебнем и галькой, а для приольхонских - каменные плиты.

3. «Городища» сооружались одним племенем - «хара-монголами», жившими в Предбайкалье до прихода бурят.

4. «Городища» являлись древними укреплениями.

Концепция, сложившаяся у Н.Н.Агапитова относительно функционального назначения и времени создания предбайкальских «городищ», долгое время не подвергалась пересмотру, дополнялись лишь некоторые из ее пунктов.

Значительный вклад в изучение прибайкальских древностей был сделан Б.Э.Петри. Разделив железный век Прибайкалья на 2 больших периода - «раннюю железную эпоху» и «позднюю железную эпоху», он отнес к последней «особые укрепления, которые сооружались на горах или вернее горных отрогах (мысах)». Под «укреплениями» Б.Э.Петри понимает выделенные его предшественниками «городища» Кудинской и Ангарской долин и каменные стены Приольхонья. Оценивая оборонительные возможности этих укреплений, он указывает, что «в стратегическом отношении эти места в большинстве случаев совершенно не

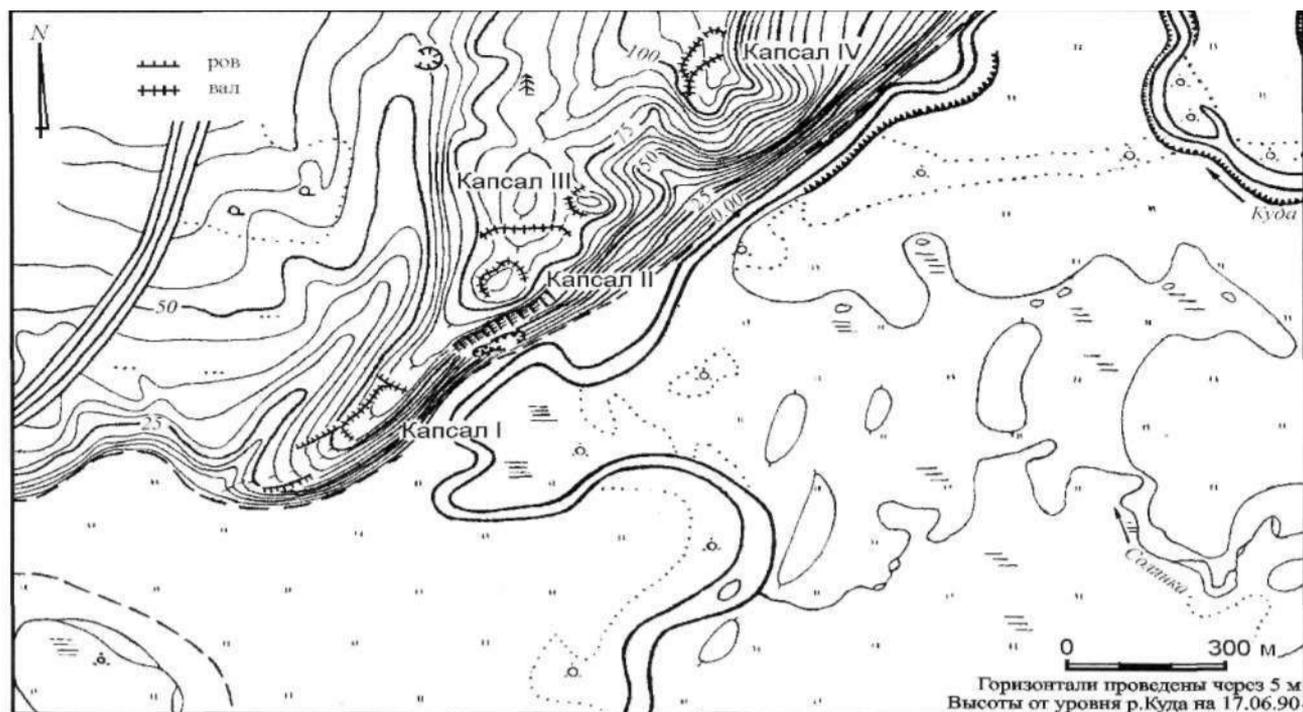

Рис. 2. Карта расположения капсальских «городищу».

пригодны. За ними обычно находится господствующая высота, с которой всех защитников такой крепости можно было бы перестрелять из лука». По его мнению, «гораздо правдоподобнее бурятское предание, рассказывающее, что это загоны для скота на ночь, сооруженные их предшественниками монголами» (Петри, 1922: 30; Петри, 1928: 64).

В 20-х гг. XX в. несколько кудинских «городищ» было обследовано П.П.Хороших. В статье, опубликованной в 1929 г., исследователь приводит сведения о «городищах» Шара-Шубун (Шаршибутэ), Манхай и Улан-Зола-Тологой (Дэйда-Барса, Шатерлаган), осмотренных им лично. На «городище», расположенном возле улуса Барономухинского, им заложено 4 «разведочных выемки» площадью по I кв.м. В одной из «выемок» обнаружена керамика, сходная по орнаменту с керамикой «курумчинских кузнецов». Малочисленность находок не позволила ученому категорично говорить о времени создания этого «городища» и о памятниках этого типа в целом. Стратегического значения, как считал П.П.Хороших, «городище» иметь не могло, так как оно очень незначительного размера и притом расположено в открытой степной местности, ничем не защищенной. Он полагает, что оно имело обрядовое значение, например, служило для молений или жертвоприно-

шений (Хороших, 1929: 151). К этому же мнению присоединился и Б.И.Сосновский, давший высокую оценку работам П.П.Хороших (ВИС, 1927).

П.П.Хороших сообщает, что по одним преданиям местного бурятского населения «на таких городищах «китайцы сеяли буду (просо)», по другим - эти городища служили для загона скота на ночь. В шаманских призваниях городища приписываются монголам, а иногда «хара-монголам» (Хороших, 1929: 150). Исследователь считал, что строители кудинских «городищ» могли пользоваться огневой сигнализацией, которая в древности находила применение в войсках Чингисхана и Тамерлана. «Достаточно было развести огонь на вершине горы, или пустить пал, как это был сигнал к наступлению или обороне» (Хороших, 1929: 149).

С 1948 по 1958 г. П.П.Хороших продолжил работы в Кудинской долине, при этом, большая часть его исследований проводилась на «городище» Манхай или в его окрестностях (Хороших, 1949; 1963). Под руководством П.П.Хороших с 1950 по 1955 г. на Манхае работал В.В.Свинин.

В 1933-1934 гг. в Предбайкалье работала Ангарская археологическая экспедиция. Одним из ее участников - А.П.Окладниковым было обследовано 3 «городища» в районе с.Кулаково (правый берег р.Ангара). Данные, полученные

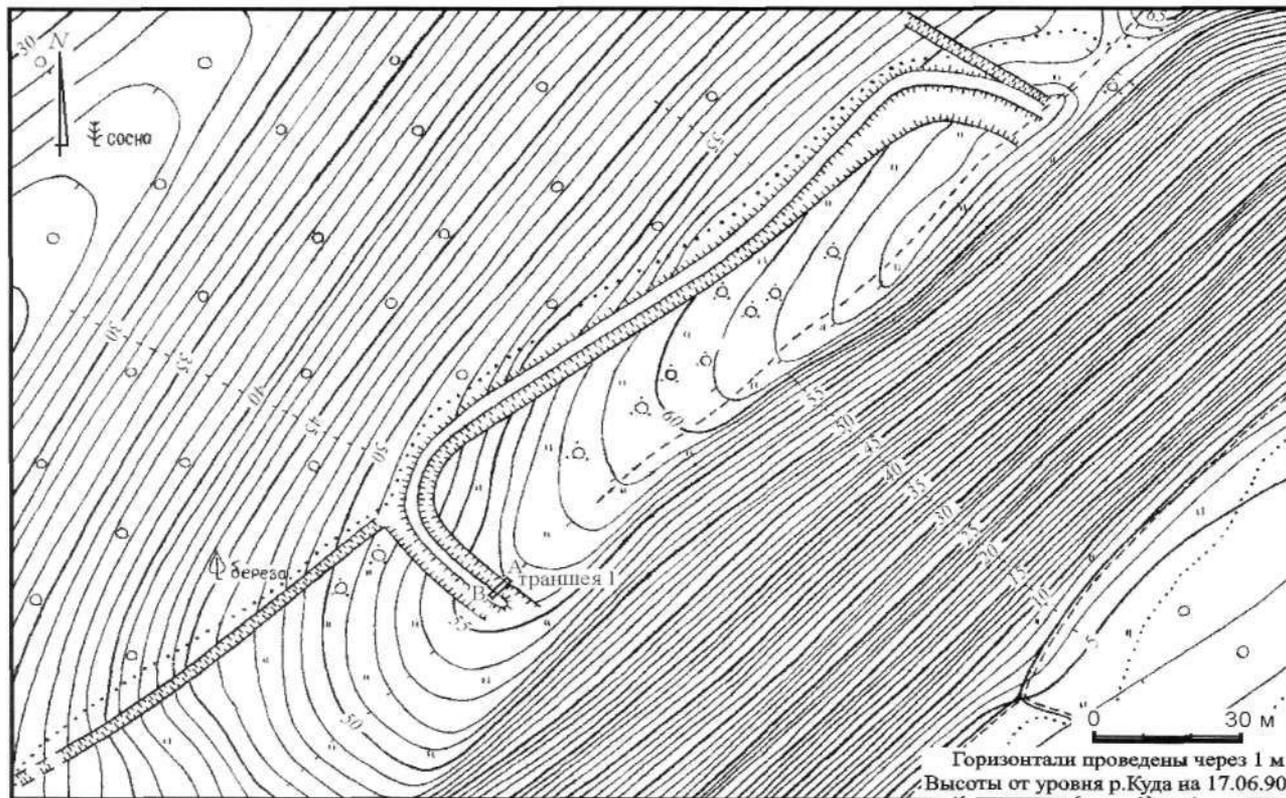

Рис. 3. «Городище» Кансал I

во время работ на кулаковских «городищах», нашли свое отражение в последующих трудах А.П.Окладникова (Окладников, 1948; 1948а; 1955: 298; 1959: .142). Они сводились к следующим положениям.

1. Предбайкальские «городища» являются укрепленными поселениями или убежищами.

2. «Городища» относятся к курумчинскому времени VI-X вв. и были сооружены тюркоязычным земледельческо-скотоводческим народом - курыканами, ведущими полуседлый образ жизни.

3. Ареал распространения «городищ» совпадает с областью расселения курыкан.

4. В тех местах, где имеется много камня, встречается особая разновидность «городищ» - "каменные стены".

В 50-х гг. экспедицией, возглавляемой А.П.Окладниковым, проводились обширные раскопочные работы в зоне затопления Ангарских ГЭС. В число изучаемых объектов вошли «городища» Манхай и Улан-Бор. В результате исследований на Манхае (Е.Ф.Седякина) выяснилось, что памятник имел постоянных обитателей. В его южной части обнаружено 8 ям, содержащих большое

количество костных остатков и фрагмент берестяного сосуда. По мнению Е.Ф.Седякиной, ямы служили для хранения, запасов питания. Вдоль восточного рва «городища» зафиксирован слой золы, образовавшийся, от горения навоза, что позволило исследователю предположить наличие в этой части памятника стойл для скота (Седякина, 1965: 295).

Во время раскопок рва и валов городища обнаружено более 60 плит из красного песчаника с высеченными на них изображениями. Использование каменных плиток с рисунками для укрепления вала городища свидетельствует, как считал П.П.Хороших, о двух этапах существования памятника. Рисунки были оставлены какой-то тюркской народностью, жившей в Кудинских степях в первые века н.э. еще до прихода сюда курыкан. Курыканы же, пришедшие в Кудинские степи не ранее VI в. н.э., изменили внешний вид Манхая, насыпав валы, которые закрепили вырубленными в скале плитами с рисунками (Хороших, 1963).

Во время разведки, предпринятой в 1953 г. А.П.Окладниковым и П.П.Хороших, в районе с.Гоханы выявлено два «городища» - Мантахай I и

Мантахай II. В 1975 г. работы на Манхайском «городище» продолжены И.В.Асеевым (Асеев, 1980).

Делая обобщение всех материалов по археологии Предбайкалья, относящихся к I тыс. н.э., Б.Б.Дашибалов проводит типологию 72 «городищ» Байкальской Сибири, сведения о которых у него имеются (Дашибалов, 1992). Все «городища» подразделены им на 2 вида: укрепленные земляными валами и укрепленные каменными стенами. Исследователь указывает, «что степень изученности этих памятников весьма различна, всего лишь на четырех городищах проводились раскопки, более половины городищ имеют краткие описания, а о некоторых сооружениях содержится только указание на их местонахождение». Несмотря на то что, большинство планов «городищ», выполненных в конце XIX - середине XX, составлено схематично, Б.Б.Дашибалов проводит типологию этих памятников, в основу которой положена форма и степень использования естественных условий. Среди «городищ» с земляными валами выделяется 4 типа: секторно-мысовые, полукруглые, прямоугольные, округлые. «Городища» с каменными стенами включают 2 типа: секторно-мысовые и округлые.

Исходя из принципов эволюции (от простого к сложному), Б.Б.Дашибалов предполагает, «что первыми появляются городища секторно-мысового типа, как наиболее простые в сооружении, и затем уже полукруглые и, наконец, прямоугольные и округлые типы».

В середине 80-х - начале 90-х гг. XX вв. силами иркутских ученых проводились широкомасштабные работы по картированию и паспортизации археологических объектов, расположенных в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области. В 1985 и 1986 гг. в Кудинской долине работала группа паспортизации Иркутского университета (Н.Е.Бердникова, В.М.Ветров, С.А.Дзюбас, А.В.Титов). В окрестностях с.Байтог ею открыто два «городища» - Турысэ-Ундэр и Дарбай, а также осмотрено «городище» Шаршибутэ (Шара-Шубун). В средней части Кудинской долины группой проведена паспортизация Манхайского «городища» и трех Капсальских «городищ».

В 1987 г. работы в верховьях р.Куды продолжены А.В.Титовым и А.В.Харинским. На Дарбайском «городище» была заложена траншея, пересекающая внутренний ров, открыто новое «городище» Яняшен и проведена топосъемка всех

верхнекудинских «городищ». В 1989 г. А.В.Титов обследовал долину реки Идыги. В результате разведочных работ им обнаружено два новых «городища» - Уха-Хушун (Даргатай) и Даха-Елга, осмотрено «городище» Улан-Зола-Тологой (Дэда-Барса; Шатерлаган). С 1989 г. к раскопкам на Манхайском «городище» приступил А.В.Харинский (Харинский, 1990). Им проведена топосъемка двух Манхайских гор и заложены траншеи поперек валов и рвов «городища». В 1989 и 1990 гг. А.В.Харинским предприняты исследования на Капсальских «городищах».

В 1992 г. инвентаризацию памятников археологии в окрестностях с.Зады, с.Булуса и с.Гаханы проводил археологический отряд Иркутского государственного университета под руководством А.В.Харинского. В ходе работ сделана топосъемка и описание восьми «городищ»: Мантахай I, Мантахай II, Уха-Хушун (Даргатай), Даха-Елга, Улан-Зола-Тологой, Хандагай, Шарса и Хархар-Жалга (Ункыр). В 1994 г., в ходе картирования археологических объектов Эхирит-Булагатского района, А.В.Харинским, Е.О.Роговским и Н.В.Багдуревым осмотрен район пос.Бозой. В результате разведочных работ открыто два новых «городища» - Далхан и Кукунутское, проведена топосъемка и описание «городища» Харлык.

Мысли, высказанные в 20-х гг. XX в. П.П.Хороших и Б.Э.Петри о том, что некоторые из «городищ» не могли быть оборонительными сооружениями, в конце 80-х - начале 90-х гг. были поддержаны рядом археологов. Получила развитие гипотеза о ритуальном использовании памятников этого типа (Свинин, 1991; Дашибалов, 1990: 7; Харинский, 1991; Коновалов, 1992). Правда, уже через десятилетие Б.Б.Дашибаловым стали вновь развиваться идеи об оборонительном назначении предбайкальских «городищ».

Все известные в Прибайкалье «городища» Б.Б.Дашибалов соотносит с курумчинской культурой, которая была оставлена хори-монголами. Автор пишет, что «ни одна из археологических культур этого обширного региона (Центральной Азии - А.Х.) не может сравниться с ней по разнообразию своих археологических памятников. Здесь представлены почти все их типы: поселения, городища, оросительные системы и древние пашни, временные стойбища, могилы, поминальные сооружения, наскальные рисунки, известны

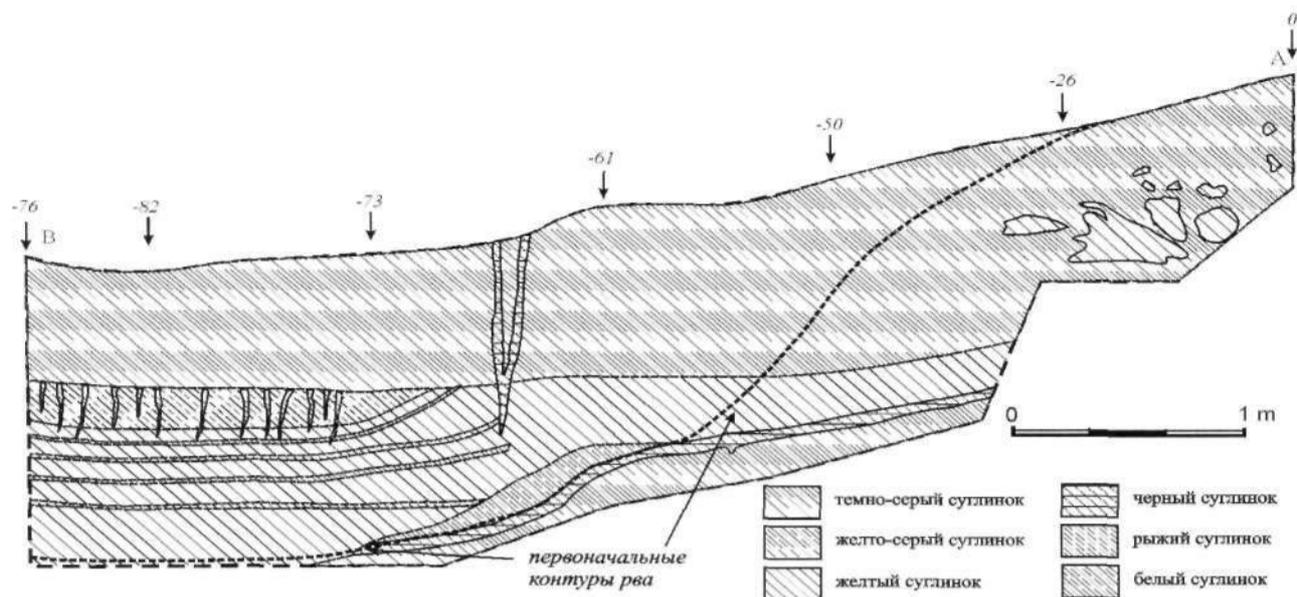

Рис. 4. «Городище» Капсал I, стратиграфический разрез второго рва

находки со знаками рунического письма» (Дашибалов, 1999: 100).

Б.Б.Дашибалов считает, что курумчинская культура охватывала большую часть Прибайкалья. Исходя из рассуждений исследователя, на этой территории существовала единая полития, с продуманной системой обороны, важнейшим компонентом которой были городища. «Если посмотреть на карту распространения курумчинских городищ, то видно, что оборонялась северо-западная сторона, откуда, видимо, постоянно ждали нападения. Вычлениются 4 основных оборонительных рубежа - по рекам Ангаре и Куде, на Ольхоне и Северном Байкале, то есть основные земли хори, центр Баргуджин-Токума - Баргузинская долина была надежно защищена. Причем здесь хори чувствовали себя в полной безопасности и даже не воздвигали укреплений. Фортификационная стратегия хори была хорошо продумана - если нападающие проходили первый рубеж обороны на Ангаре, то они наткнулись на вторую линию - в Кудинской долине, лобовой атаке на Баргузин через Ольхон препятствовала третья группа городищ, а попытка обойти с севера наткнулась на северобайкальский укрепрайон» (Дашибалов, 1999: 100).

Обобщая материалы, связанные с исследованием предбайкальских «городищ», Б.Б.Дашибалов обращает внимание на малое количество находок, обнаруженных на них, что подтверждается раскопками Э.Р.Рыгдылона (Рыгдылон, 1955) и

Н.Н.Забелиной (Окладников, Забелина, 1958). Он считает, что «сооружение на горе Улан-Бор нельзя рассматривать как укрепленное поселение и люди, вероятнее всего, не жили в этой крепости постоянно. На это указывает очень тонкий культурный слой, а во многих местах крепости он вообще отсутствует. Кроме нескольких находок внутри укрепления, не обнаружено каких-либо предметов, связанных с производственной деятельностью, отсутствуют на городище и хозяйственные ямы, которые свидетельствовали бы о постоянном поселении» (Дашибалов, 2002: 150). Исследователь указывает, что часть «городищ» могла быть обитаема, о чем свидетельствуют материалы раскопок на Манхае, но краткость публикаций не позволяет использовать эти данные как полноценный источник.

Несмотря на утверждение о том, что на большинстве «городищ» люди постоянно не жили, Б.Б.Дашибалов, развивая идею о предбайкальских «городищах» как об элементах многолинейной системе обороны считает, что в них находились военные гарнизоны. Они контролировали приданную им местность и наблюдали за ситуацией на другой крепости, так как с одного городища всегда видно другое укрепление (Дашибалов, 2002: 154). Следуя логике исследователя, военное дежурство предполагало постоянное нахождение людей на «городищах». Но результаты раскопочных работ не подтверждают этот тезис, следовательно, интерпретировать «городища» как регу-

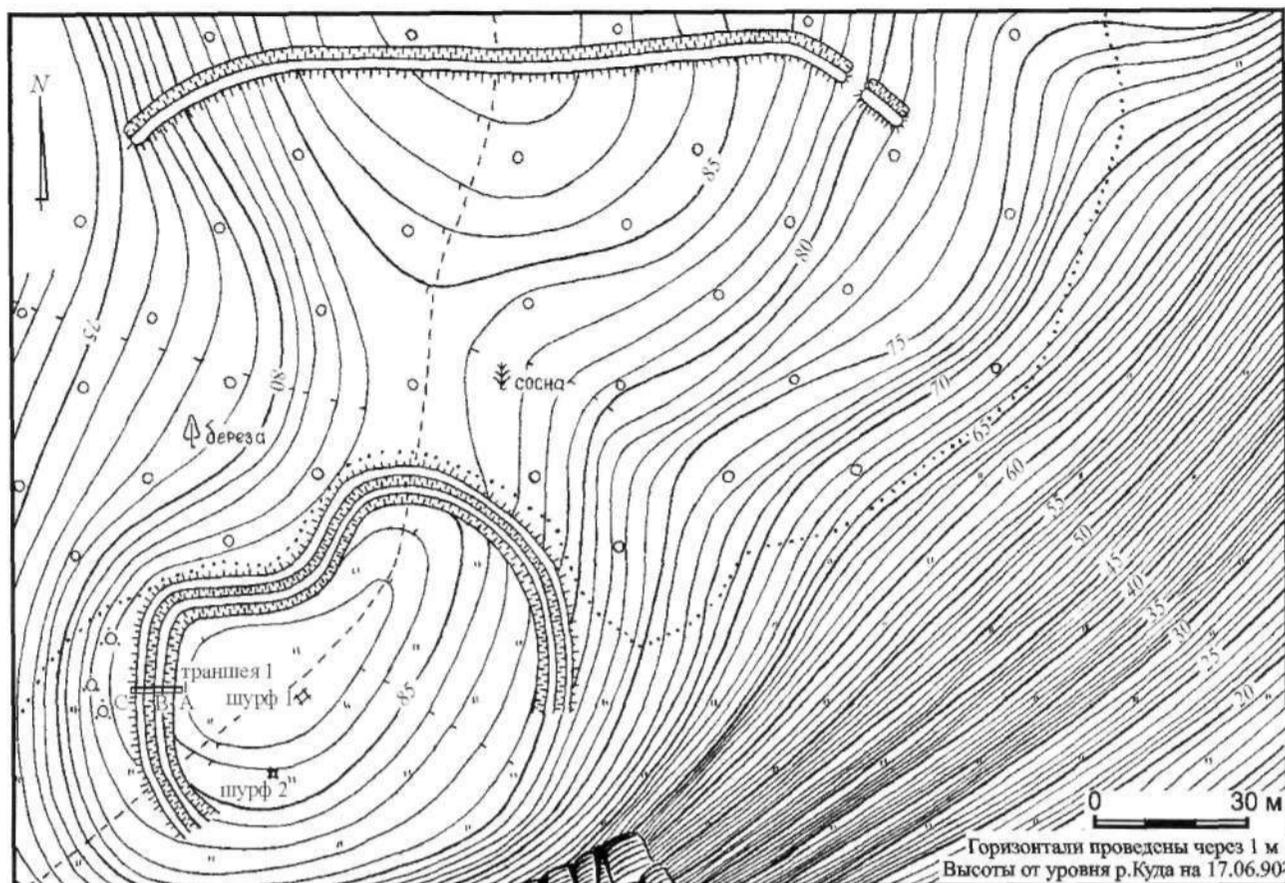

Рис. 5. «Городище» Капсал II

лярно действующие наблюдательные пункты не представляется возможным.

Вызывают интерес и мысли Б.Б.Дашибалова о генезисе строительных традиций предбайкальских «городищ». По мнению исследователя, «почти все каменные городища курумчинской культуры относятся к горным укреплениям. Они соответствуют в плане форме мыса, на котором находятся. И отделяются от плато каменной стеной. Почти все городища имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) две площадки, вторая образована дополнительной линией, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления». Автор считает, что прибайкальские «городища» совпадают по строительным приемам, устройству дополнительных пристроенных сооружений и традициям выкладки из камня дорог с дальневосточными городищами (Дашибалов, 2005: 68). В связи с этим, возникает еще одна параллель, указывающая на восточноазиатское происхождение населения, жившего в Прибайкалье в I тыс. н.э.

Топография и планиграфия капсальских «городищ»

Капсальские «городища» располагаются на гребне юго-западного отрога Капсальских гор, в южной части Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Гребень ориентирован по линии юго-запад - северо-восток (рис. 2). Его большая часть поросла сосново-березовым лесом и разнообразным кустарником. К северо-западу от гребня находится распадок, обращенный устьем к Кудинской долине. У его основания гребень имеет минимальную ширину - около 100 м, расширяясь в северо-восточном направлении до 500 м. С юго-восточной стороны гребень оканчивается крутым склоном, спускающимся к р.Куде. В северо-восточной части гребня имеются два мысовидных выступа, направленных в сторону реки. Между выступами располагается распадок, образующий в северо-восточной части гребня перемычку, расположенный за ней мысовидный выступ именуется горой Хэбэрь. «Городища» располагаются цепочкой вдоль гребня. В юго-западной части гряды находится первое «городище» а в

северо-восточной части, на горе Хэбэрь - четвертое «городище». С наиболее доступных сторон - запада, северо-востока и севера «городища» ограждены валами и рвами. С восточной и юго-восточной сторон они оканчиваются обрывами, спускающимися к реке Куде.

Капсальские «городища» образуют единый комплекс объектов, созданный на основе использования геоморфологических особенностей местности. Внося коррективы в природный ландшафт, древние жители Кудинской долины с помощью фортификационных сооружений, отделили часть горного гребня от примыкающего к нему природного окружения, придав ему особый статус. В настоящее время определить назначение этого природно-исторического комплекса можно только гипотетически. Но к числу его определяющих показателей относится доминирующее положение в окружающем ландшафте и прямая видимость между соседними объектами, составляющими его. С капсальских «городищ» открывается прекрасный обзор на значительный участок Кудинской долины. С них не видно других «городищ», хотя не исключено, что некоторые из них еще не открыты и располагаются в восточной части долины, слабо исследованной в археологическом отношении.

Капсал I

«Городище» расположено на правом берегу р.Куцы, в 2,3 км к северо-востоку-востоку от деревни Жердовки, на высоте 55-65 м от уровня р.Куды. Оно имеет форму вытянутого четырехугольника с закругленными юго-западным и северо-западными углами, ориентированного по линии юго-запад - северо-восток (рис. 3). Площадка, на которой расположено «городище», понижается к юго-западу. С северо-запада и юго-запада она оканчивается плавными склонами, а с юго-востока круто обрывается к реке.

С северо-запада «городище» защищено трехметровым рвом и валом, перепад высот между которыми составляет 70 см с юго-запада, кроме уже указанных рва и вала «городище» обнесено еще одним рвом - внешним, шириной до 4 м. Такой же дополнительный ров длиной 40 м охватывает памятник и с северо-восточной стороны. Его ширина 2 м, а перепад высот между ним и валом составляет 40 см. Внутренний ров с северо-восточной стороны имеет ширину 10 м. С юго-запад-

ной и северо-восточной сторон «городища» за внутренним рвом отмечается некоторая подсыпка земли, создающая иллюзию еще одного вала. От юго-западного угла памятника отходит «канавка», возможно, тоже ров, шириной около 1 м, фиксируемая на протяжении 100 м. Недалеко от края обрыва, в 100 м к юго-западу от «городища» отмечается еще одна подобная «канавка» длиной 100 м (рис. 2). Размеры памятника 30 x 180 м. Почти вся его площадь поросла кустарником.

Капсал II

«Городище» расположено в 190 м к северо-востоку от городища Капсал I, на высоте 80-87 м от уровня р.Куды. С трех сторон оно оконтурено двумя рвами и двумя валами, изгибающимися в виде буквы «М», а с юго-юго-востока ограничено крутым скальным склоном, спускающимся к реке (рис. 5). Перепад высот между поверхностью «городища» и валом со рвами следующий: второй ров (внутренний) ниже уровня городища на 70 см; второй вал (внутренний) ниже на 30 см; первый ров (внешний) ниже на 90 см; первый вал (внешний) ниже на 70 см. Ширина первого вала - 1,5 м; первого рва - 2 м; второго вала - 1,5 м; второго рва - 1,5 м. Размеры городища 60 x 90 м.

В 75 м к северу от внешнего рва второго «городища» поперек гребня Капсальских гор располагается ров и вал, являющиеся дополнительными оградительными сооружениями на подступах к нему. Они ориентированы по линии запад-восток и лишь их края, идущие по склонам гребня, слегка загибаются на юг. В 10 м от восточного края сооружения, длина которого 10 м, имеется проход шириной 5 м, ориентированный по азимуту 33°. Ширина вала и рва по 2 м, перепад высот между ними 1,1 м.

Капсал III

«Городище» находится в 135 м к северо-востоку от «городища» Капсал II на высоте 80-87 м от уровня р.Куды, на мысовидном выступе, отходящем к юго-востоку от основного горного массива. С южной, северной и восточной сторон памятник ограничен довольно крутыми склонами, а с запада окаймлен валом и рвом, имеющими проход шириной 4 м (рис. 8). Ширина рва и вала по 2 м, перепад высот между ними 10-40 см. В северо-западной части оградительной системы «городища» имеется проход шириной 5 м, ори-

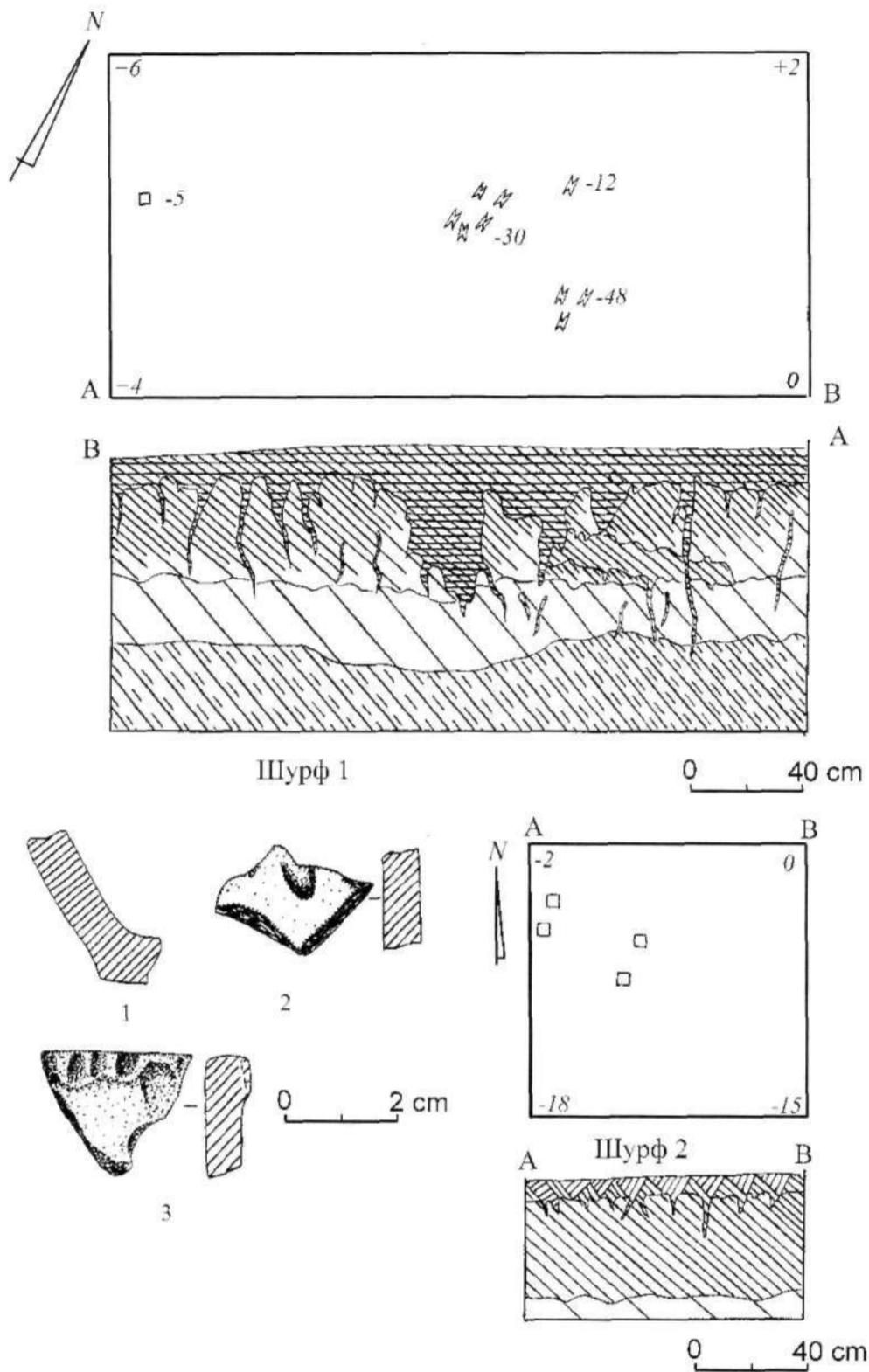

Рис. 6. «Городище» Капсал II, шурфы № 1, 2 и археологический материал, обнаруженный в шурфе № 2

ентированный по азимуту 300°. В районе прохождения окончания валов располагаются не напротив друг друга, а имеют некоторое смещение. Край вала юго-западного участка находится напротив края рва северо-западного участка, в свою очередь край вала северо-западного участка заходит на внутреннюю часть «городища». Длина «городища» 85 м, ширина 40 м. Поверхность памятника поросла сосняком.

Капсал IV

«Городище» находится на мысовидном выступе, ориентированном по линии север - юг, на высоте 105-112 м от уровня р.Куды, в 2,2 км к северо-востоку от «городища» Капсал III, от которого отделяется широким распадком. С запада, юго-востока и востока «городище» защищено крутыми склонами, а перешеек, соединяющий его с материком, перерезает вал со рвом (рис. 9). Ширина последних по 2,5 м, перепад высот 90 см. На протяжении 60 м вал со рвом ориентированы по линии юго-запад - северо-восток, а далее к юго-западу отклоняются на юг. Северной внутренней оградительной линии располагается еще одна оградительная линия - внешняя, тоже состоящая из вала и рва. Своим юго-западным концом она упирается во внутреннюю линию, а юго-восточным - в восточный крутой склон мысовидной площадки. Ширина вала и рва по 2,5 м, перепад высот между ними 70 см. В северной части внешней линии укреплений имеется проход шириной 3 м, ориентированный по азимуту 310°. Вдоль всей восточной стороны памятника у края обрыва фиксируется сплошная земельная выемка шириной 1 м.

«Городище» имеет форму параллелограмма длиной 160 м и шириной 90 м, с плавным понижением поверхности с востока на запад. Западная и северо-восточная его части поросли кустарником.

Конструкция и датировка капсальских «городищ»

У всех капсальских «городищ» оградительная система состоит из валов и рвов. При рытье рва извлекаемая земля сыпалась или перед ним или за ним. Чаще всего ров находился за валом. Это было удобно при обороне «городища». Находящиеся на нем люди прятались за валом, а в случае необходимости могли на него подняться,

чтобы отбить натиск противника. Подобное традиционное расположение валов и рвов можно наблюдать на третьем и четвертом капсальских «городищах», а также на дополнительной оградительной линии к северу от второго «городища». Несколько иначе выглядит оградительная линия на первом и втором капсальских «городищах». На них при рытье рва большая часть земли насыпалась не с внутренней стороны рва, а с внешней. Наличие на этих городищах двух рвов также отличает их от большинства кудинских «городищ».

Центральное место среди капсальских «городищ» принадлежит второму «городищу». Оно занимает центральную часть гряды. С юго-запада его защищает первое «городище», а с северо-востока - дополнительная оградительная система. Третье и четвертое «городища» располагаются на отдельных мысовидных площадках, не участвуя в создании единой оградительной системы. Подобное расположение «городищ» и конструктивные особенности, возможно, указывают на отсутствие во время их сооружения единого пространственно-конструктивного плана, объединяющего все объекты в единое целое. Скорее всего, это следствие разновременности сооружения капсальских «городищ» и определенной разницы в их функциональном назначении.

Для выяснения конструкции оградительной системы «городищ», на двух из них - первом и втором, проложены траншеи, разрезающие валы и рвы. На первом капсальском «городище» длина траншеи составила 5,5 м. С ее помощью вскрыт край внутренней площадки «городища» и внутренний ров (рис. 3). Стратиграфия отложений в траншеи не дает четких представлений о первоначальных пропорциях рва. Достаточно четко отбивается лишь его дно. Ров разрезал тонкий слой черного суглинка, подстилающие его слои темно-серого и желтого суглинков и врезался в кровлю белого суглинка (рис. 4). Прослойка черного суглинка, которую можно интерпретировать как древний поверхностный горизонт - дерн, маркирует поверхность земли, существовавшую до момента сооружения оградительной системы.

Во время копки рва, часть земли использовалась для сооружения вала, расположенного снаружи от него, а другая часть насыпалась с внутренней стороны от рва, выравнивая край площадки «городища», примыкающий к оградительной системе. О набросе земли с внутренней

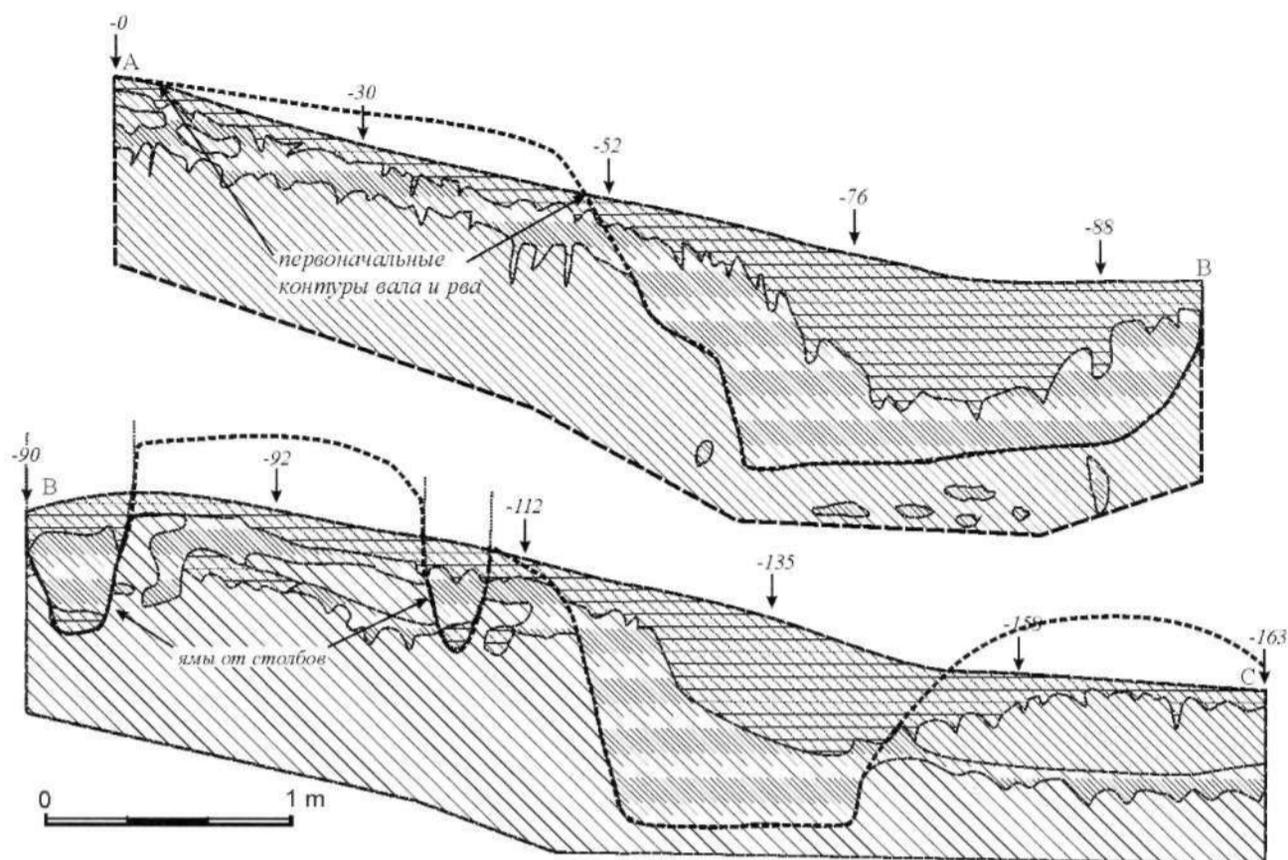

Рис. 7. «Городище» Капсал II, стратиграфический разрез валов и рвов

стороны «городища» можно судить по пачке желтого и темно-серого суглинков мощностью 1,2 м, перекрывавшей прослойку черного суглинка (дерна). Со временем земля с края «городища» и вала сползала в ров, заполняя его. Самый нижний слой заполнения представлен белым суглинком, который сверху перекрывается желтым суглинком. Периоды формирования на поверхности заполнения рва дернового слоя представлены прослойками желто-серого суглинка. Через некоторое время они вновь перекрывались желтым суглинком, и процесс формирования дерна начинался сначала. Средняя часть вала заполнена желто-серым суглинком, который прорезает серия криогенных трещин. Верхняя часть рва заполнена темно-серым суглинком. Первоначально внутренняя стенка рва была пологой. Специальных приспособлений для ее укрепления предусмотрено не было. Глубина рва составляла приблизительно 1,5 м, а перепад высот между его дном и краем «городища» соответствовал 2,4-2,5 м.

На втором «городище» траншея пересекала оба вала и рвы. Зафиксированный в ней стра-

тиграфический разрез дает более четкое представление о первоначальном виде оградительной системы, чем разрез на первом «городище». Рвы прорезали слой темно-серого суглинка и углублялись в желтый суглинок, включавший белые пятна (рис. 7). Ширина внутреннего рва составляла 2,4 м, глубина 0,4-0,8 м. Ширина внешнего рва составляла 1,2 м, глубина 0,4-0,8 м. Дно рвов ровное горизонтальное, внешняя стенка пологая. Внутренняя стенка имеет небольшой наклон. У внутреннего рва в ней образована небольшая ступенька высотой 45 см. Древняя поверхность земли, существовавшая до строительства оградительной системы, прослеживается по нижней части слоя темно-серого суглинка. Вниз от него отходит серия криогенных трещин, разрезающих кровлю желтого суглинка. О насыпи земли из рва на древнюю поверхность свидетельствует серия пятен желтого и темно-серого суглинка. Мощность наброса в районе второго вала составляет 20-25 см, первого вала - 30-35 см, у края площадки «городища» - 10-20 см. На поверхности насыпи со временем сформировался новый поч-

Рис. 9. «Городище» Капсал IV

овальных в сечении вдавлений, выполненных вертикально расположенным орнаментом. Из-за фрагментарности установить композиционное построение орнамента на тулове сосуда невозможно, но, судя по обнаруженному кусочку керамики, орнамент был выполнен тем же орнаментом, что и при украшения венчика. Он был округлым в сечении и во время давления на поверхность сосуда располагался вертикально.

Керамика, подобная обнаруженной на капсальском «городище», встречается в Прибайкалье на протяжении всего I тыс. н.э. До появления новых данных, этим же временем пока можно датировать и капсальские «городища».

Обсуждение

Топографическое положение большинства прибайкальских «городищ», в том числе и капсальских, практически одинаково. Часть из них располагается на мысах или мысовидных площадках, вдающихся в озеро Байкал или речную долину. Перешеек, соединяющий мысы с «материком», пересекает линия оградительных сооружений. Иногда она продолжается и вдоль береговой полосы мыса. Другая часть «городищ»

находится на вершинах гор. Обрывистый склон горы обращен к речной долине, а пологий окаймлен оградительными сооружениями (Харинский, 1991; 1994; 2002). К первой группе «городищ» относятся Капсал III и Капсал IV, ко второй - Капсал I и Капсал II.

Среди оградительных сооружений капсальских «городищ» фиксируются лишь земляные валы и рвы, что характерно для большинства ангарских, кудинских и верхнеленских «городищ». В отличие от них, на «городищах» байкальского побережья оградительные сооружения возводились преимущественно из камня. Исключения составляют маломорские «городища» Нюргон IV и Саган-Хошун I. При этом на «городище» Саган-Хошун отмечены разные по конструкции оградительные сооружения - земляной и каменный валы. Вероятно, это связано с различной мощностью рыхлых отложений в различных частях мыса Саган-Хушун, на котором расположено «городище» (Харинский, 2002).

Другой особенностью части кудинских «городищ», в том числе первого и второго капсальских, является многорядность их оградительных линий. Одна оградительная линия может состоять из двух рвов и двух валов. Их количество иногда доходит до трех, как на «городищах» Улан-Зола-Тологой, Даха-Елга I, Харлик, Мантахай II, или даже четырех, как на Хархир-Желга I и Хандагай I. На байкальских «городищах» фиксируется лишь по одному ряду оградительных сооружений, или, в крайнем случае, два, если «городище» оконтурено валом и рвом.

Лишь на одном из капсальских «городищ» - четвертом отмечено две линии оградительных сооружений, благодаря чему площадь памятника разделяется на две площадки. В других районах Предбайкалья такие «городища» тоже составляют меньшинство. С чем связана подобная конструкция, пока объяснить затруднительно. Дополнительные канавки и рвы возле первого и второго капсальских «городищ» полностью не оконтуривают участки, примыкающие к их площадкам, поэтому на них выделяется только по одной оградительной линии.

Современный уровень исследования капсальских «городищ» не позволят однозначно судить об их функциональном назначении. Если на валах «городищ» ставились дополнительные конструкции в виде деревянной изгороди, то они

могли вполне послужить достаточной преградой для наступающих противников. Но таких деревянных конструкций могло и не быть. Они не зафиксированы на первом капсальском «городище» и на приольхонском «городище» Нюргон IV, на которых были сделаны разрезы вала и рва (Харинский, 2002). Незначительное количество находок, отсутствие следов жилых и хозяйственных построек, а также неудобное геоморфологическое положение капсальских «городищ» свидетельствуют о том, что они не использовались как укрепленные поселения. Скотоводческий тип хозяйства, который стал основой жизнедеятельности большей части населения Южного Предбайкалья в I тыс., не предполагал компактное проживание на ограниченной территории большой группы людей. Рядом с городищем не могли находиться стада скота, которым для пропитания были необходимы обширные пастбища. В случае опасности скотоводы обычно уходили со своими стадами от преследователей или вступали с ними в открытый бой. Конечно, в случае внезапно возникшей военной угрозы они могли укрыться от нападающих в труднодоступном месте, но таких примеров известно не так много. Например, в 1643 г. прибывшие на Ольхон для сбора ясака русские во главе с Курбатом Ивановым встретили активное сопротивление со стороны живших на острове "братские люди". Они "сели в крепких местах в каменных городках". Многие из них были убиты, а остальные взяты в плен. После поражения жители острова должны были выплачивать ясак. Их знать разбежалась, вследствие чего никого из островитян не взяли в заложники (Сборник..., 1960: 88-89).

Учитывая топографические и конструктивные особенности капсальских «городищ», их можно рассматривать как временные убежища. Укрывшись за оградительными сооружениями «городищ», люди могли переждать или отразить нападение неприятеля, после чего должны были вернуться в жилища, расположенные неподалеку от «городищ», в более удобную для ведения хозяйства местность. Уже говорилось об отсутствии на большинстве прибайкальских «городищ» свидетельств долговременного проживания на их территории людей. В связи с этим совершенно безосновательной выглядит гипотеза об использовании «городищ» как оборонительных центров с постоянно проживающими в них гарнизонами.

Для содержания таких гарнизонов необходимо было обладать дополнительными ресурсами, сформировавшимися из излишков, образовывавшихся у населения, занятого в производственной сфере. Сведения о подобных излишках в истории Предбайкалья не отмечались. В связи с чем, еще более нелепо выглядит идея о существовании в Предбайкалье многолинейной системы обороны, составными элементами которой были «городища». Для создания и содержания такой мощной военной структуры была необходима концентрация огромных людских, пищевых, военных и других ресурсов, что было под силу только крупной и экономически устойчивой политике. Она должна была обладать четко функционирующим административным аппаратом, регулярно поступающими налогами, хорошо отлаженной системой связи и профессиональной армией, состав которой не принимал участия в производственном процессе. Ничего подобного в Прибайкалье не отмечалось. Жившие здесь люди объединялись в территориальные группы по родовому принципу, при этом за каждой из подобных групп закреплялась территория, маркерами которой выступали определенные природные объекты (горы, реки, распадки и т.д.). Помимо природных маркеров люди создавали и искусственные объекты, закреплявшие права их создателя на близлежащую территорию. К числу таких объектов можно отнести и «городища».

Расположение «городищ» на возвышенных местах (горы, скалистые мысы), являющихся доминантой для окружающей их местности, указывает на то, что выбор места для сооружения этого типа археологических памятников велся целенаправленно. Для «городищ» - временных убежищ такое местоположение было выгодно при обороне. Но кроме оборонительного значения, локализация «городищ» на возвышенных участках местности имела, прежде всего, культовый характер. Об этом свидетельствует наличие на некоторых «городищах» и у их подножия петроглифов, погребальных и ритуальных памятников. Отношение к некоторым «городищам» как к культовым центрам отмечается в Предбайкалье и сейчас. На части из них имеются ритуальные конструкции из камня, используемые во время общественных молений бурят - тайлаганов. Сохранилось отношение к валам и рвам как к границе, отделяющей сакральную территорию «городища» от мира

людей. Ее нельзя пересекать, а для того чтобы попасть на «городище», нужно воспользоваться проходом. Многие «городища» считаются обителью хозяев местности - ижинов (Харинский, 1994, с.16).

Отголоски сакрального отношения к «городищам» сохранились и в бурятских легендах. Одна из них, записанная К.Ковригиным, дает еще одно объяснение происхождению капсальских «городищ». «Когда-то давно, до прихода русских, было на этой горе (Капсальской - А.Х.) что-то вроде бурятского монастыря. Здесь жила не то шаманка, не то богиня их. Ей буряты приносили подарки - золото. Хлеб, скот разный и все другое. Когда стали приближаться белые (русские). Шаманка видит, что ей с белыми не справиться. Она велела вырыть в горе большую пещеру. Снести туда все свои богатства, загнать весь скот. Сама она и жившие с нею буряты нарядились и тоже собрались в пещеру. А когда все собрались, она сделала так, что обрушился потолок пещеры, и люди и скот были задавлены» (Ковригин, 1924).

Вероятно, основная часть прибайкальских «городищ» сооружалась с ритуальными целями. Их локализация на возвышенных участках местности наводит на мысль, что они были центрами совершения молений небесным божествам. Сопоставляя вершину горы или мысовидной площадки с местом, где возможен контакт людей с небожителями, древние обитатели Предбайкалья старались уберечь и оградить его от посещения вредоносными силами. Такими оградительными сооружениями, по всей видимости, и были валы, рвы, стены и каменные гряды, дошедшие до наших дней. Кроме основного своего назначения - служить святилищами - некоторые «городища» могли использоваться и для оборонных целей. Но эта функция «городищ» имела временный характер и явно играла второстепенную роль (Харинский, 2002).

Касаясь функционального назначения предбайкальских «городищ», Б.Б.Дашибалов резонно замечает, что их культовая и оборонительная роль были тесно взаимосвязаны. «Очевидно, городища были полифункциональны и в определенные периоды та или иная их роль могла возобладать» (Дашибалов, 2002: 157). То же самое можно сказать еще о целом ряде археологических объектов из других регионов, обладающих теми же топографо-конструктивными характеристиками,

что и предбайкальские «городища». К их числу, прежде всего, следует отнести горные архитектурно-фортификационные сооружения Минусинской котловины «све». В этих памятниках представлены различные функции. В том числе: 1) оборонительно-крепостная, 2) поселенческая, 3) культово-сакральная. И это лишь различные стороны восприятия того сложного явления, которое представлено данными горными сооружениями (Готлиб, 2007).

Заключение

Археологические исследования, предпринятые в конце 90-х гг XX в. на капсальских «городищах», явились одним из направлений в изучении этого своеобразного типа памятников Южной Сибири. Но, как это часто бывает, попытка ответить на ряд вопросов прибайкальской истории лишь осложнила ситуацию, спровоцировав появления целого ряда новых проблем, большинство из которых не разрешено до сих пор. Попытки разобраться в них привели к серии новых исследований в различных сферах древней истории региона. К их числу относятся и работы по созданию культурно-хронологической схемы истории региона во всех ее локальных проявлениях.

Отсутствие на большинстве «городищ» археологических находок, представляющих материал для исторических реконструкций, приводило к тому, что исследователи достаточно быстро теряли интерес к этим объектам, переключаясь на раскопки более информативных памятников, таких как могильники или поселения. Подобная ситуация оттягивала решение многих вопросов, проясняющих значение «городищ» в истории региона, и привела к возникновению целого ряда гипотез, пытающихся объяснить различные аспекты создания и существования этих сооружений. Часть из этих гипотез уже сейчас можно отвергнуть или подтвердить, основываясь на имеющихся к настоящему времени данных, а часть из них представляется возможным разрешить лишь с появлением новых материалов. И такие материалы могут появиться лишь в ходе целенаправленных археологических раскопок этих памятников.

Касаясь перспектив исследования капсальских «городищ», хотелось бы остановиться на некоторых задачах, которые, на мой взгляд, являются первоочередными.

1. Необходимо продолжить раскопки валов второго городища, что позволит ответить на вопрос о назначении деревянных конструкций, обнаруженных на первом вале, и убедиться в их отсутствии или наличии на втором вале.

2. Предпринять раскопки оградительных линий на первом, третьем и четвертом «городищах», а также дополнительной оградительной линии, расположенной к северу от второго «городища», и «канавок», зафиксированных у первого «городища». Стратиграфический разрез, полученный в результате прокладки траншеи через второй ров первого капсальского «городища», не дал четкой картины, позволяющей реконструировать процесс создания вала и рвов. Отсутствие стратиграфических разрезов оградительных систем на других капсальских объектах, затрудняет сравнение их между собой и оставляет открытыми вопросы сооружения, функционирования и взаимосвязи капсальских «городищ».

3. Провести шурфовочные работы на первом, третьем и четвертом «городищах» в результате которых могут быть получены находки, позволяющие сделать предварительные выводы о времени сооружения и существования всех объектов капсальского комплекса, их культурной принадлежности и функциональной нагрузке.

Поставленные задачи можно решить лишь в определенной перспективе, при этом не исключено, что в ходе работы над ними не появятся новые научные проблемы, требующие своего разрешения. Тем не менее, уже сейчас на один из главных вопросов, стоящих перед исследователями прибайкальских «городищ», можно ответить однозначно. Эти археологические объекты полифункциональны. И среди основных задач, осуществляемых ими, следует выделить, прежде всего, две - культовую и оборонительную. Доминирование этих функций позволяет более четко характеризовать эти археологические объекты, закрепив за ними название «городища-святилища» (Харинский, 2001: ПО; 2006).

Литература

Агапитов Н.Н. Прибайкальские древности: изображения на утесах Байкала: городища Иркутской губернии // Изв./ ВСОРГО.- 1882.- Т. 12, №4-5.-С.61-70.

Агапитов Н.Н. Археологические исследования в Иркутской губернии // Тр./ V археологического съезда в Тифлисе.- М., 1887.- С.81-86.

Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири: Шаманство у бурят Иркутской губернии // Изв./ ВСОРГО.- 1883.-Т.14, № 1-2.-С.1-61.

ВИС (Сосновский) Изучение Эхирит-Булагатского аймака // Жизнь Бурятии.- 1927.- № 4-6.-С.131-132.

Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения Евразии (историко-культурный аспект) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: Сборник научных трудов,- Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ 2007.- С.47-51.

Дашибалов Б.Б. Курыканы (курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири): Автореф. дис. ... канд. Ист. наук.- М., 1990.- 23 с.

Дашибалов Б.Б. Типология городищ Байкальской Сибири // Вторая Дальневост. конф. молодых историков.- Владивосток, 1992.- С.59-61.

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники Ольхона в системе западных и восточных взаимосвязей // Палеоэкология человека Байкальской Азии (путеводитель к полевым экскурсиям Международного симпозиума «Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез»).- Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.- С.96-108.

Дашибалов Б.Б. Средневековые крепости Байкальской Сибири // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.- С.149-157.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века).- Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.- 202 с.

Ковригин К. Легенда о Капсальских городищах.- Юное творчество.- 1924.- № 1.- Иркутск.- С.22-23.

Коновалов П.Б. Предисловие // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии.- Новосибирск, 1992.- С.3-6.

Окладников А.П. Краткий отчет о работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1947 г. // Зап. / БМНИИКЭ.- 1948.- С.106-115.

Окладников А.П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК.- 1948а.- Вып. 19.-С.3-11.

Окладников А.П. История Якутской АССР.- М.;Л., 1955.-Т.1.-428 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы.- Иркутск, 1959.-210 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Бурятского края,- Иркутск, 1922,- 42 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья.- Иркутск, 1928.- 78 с.

Сборник документов по истории Бурятии XVII века.- Улан-Удэ.- Вып.1.- 493 с.

Свинин В.В. Человек на Байкале // Байкальская сторона.- Иркутск, 1991.- Вып. 2.- С.105-144.

Седакина Е.Ф. Курыканы // История Сибири.- Л., 1968.- Т.1.- С.291-296.

Харинский А.В. Городище Манхай (особенности конструкции) // Палеоэтнология Сибири.- Иркутск, 1990.- С.155-156.

Харинский А.В. Северобайкальские городища как ритуальные комплексы железного века // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока.- Красноярск, 1991.- Т.3.- С.11-13.

Харинский А.В. "Городища" побережья озера Байкал в железном веке: Автореф. дис.... канд. ист. наук.- Новосибирск, 1994.- 18 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. - сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001.- 198 с.

Харинский А.В. Топография и конструкция «городищ» маломорского побережья озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование.- Иркутск, 2002.- Вып. 2.- С. 109-126.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий.- Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005.- Вып. 3.- С. 198-215.

Хороших П.П. Древности Кудинских степей // Бурятоведение.- 1929.- № 1-2.- С.142-151.

Хороших П.П. Писаницы на горе Манхай // КСИИМК.- 1949.- Вып.25.- С.127-131.

Хороших П.П. Памятники древнетюркского искусства на горе Манхай (Кудинские степи) // Краткие сообщ. о н.-и. работах за 1961 г. / Иркут. ун-т.- 1963.- С.248-249.

Summary

To this moment in Cisbaikalia there are 87 discovered archaeological sites known as "settlement" ("gorodishe"). This number includes such objects located on the landscape topics (mountains, capes) enclosed of the most available directions by fortifications which often didn't carry any defense function (ramparts, moats, walls, etc.). The significant part of such settlements is situated in the Kuda valley (right tributary of Angara River). There are 20 such sites in Kuda valley. They could be separated in to three groups. Upper Kuda settlements are located the northern part of the river valley from its source until the tributary Dundaika, Middle Kuda ones are situated between rivers Dundaika and Murin, and Lower Kuda settlements are located lower the mouth of tributary Murin. The number of last ones includes sites Kapsal I-IV.

Archaeological material was found only on the Kapsal I. There are smooth flat-bottomed pottery existed in Cisbaikalia during the all I millennia AC. Until the appearance of new data the Kapsal sitse could be dated such age.

Very few findings and the absence of living constructions and the uncomfortable geomorphologic position of Kapsal settlements ("gorodishes") advance arguments for understanding them not as the pontificated settlements. Probably most of such sites in Cisbaikalia were constructed in order to sacral objectives. Their location on the topics of landscape gives us the opportunity to look at them as the centers of praying to heavens gods. Correlating the top of hill or cape-like locality with the place available for contacts of people with gods the ancient population in Cisbaikalia tried to take care them of the harmful forces. The ramparts, moats, walls and stone ranges obviously were such enclosed constructions. Besides the main function to be the sacral centers some of settlements may also be used in defense function. But last one had the temporal character and minor role.